
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVI

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 180-летию исследователя Центральной Азии,
этнографа, публициста, монголоведа-фольклориста
Григория Николаевича Потанина

Ю. И. Дробышев

Отражение мировоззренческой оппозиции «свой — чужой» в землепользовании номадов Центральной Азии

В статье рассматриваются особенности восприятия кочевниками Центральной Азии географического пространства, базирующегося на одной из фундаментальных оппозиций «свой — чужой». В отличие от «своей», сакральной земли, «чужая» земля стояла вне закона и служила для грабежа. После периода завоевательных войн на западе и для тюркских, и, позже, для монгольских кочевников захваченные территории становились «своими», что, в частности, отражалось в характере землепользования: оно упорядочивалось и приближалось к традиционному для данного историко-культурного региона. Однако стать подлинно рачительными хозяевами номадам было очень непросто.

Ключевые слова: оппозиция «свой — чужой», кочевники, землепользование.

Бинарная оппозиция «свой — чужой» имела кардинальное значение в традиционной культуре кочевых народов Центральной Азии. Ее роль достаточно глубоко проанализирована специалистами, в частности известным российским этнологом монголоведом Н. Л. Жуковской [Жуковская, 1990. С. 6—9]. Чтобы не повторять хорошо известные следствия, вытекающие из этой оппозиции, ограничимся рассмотрением ее отражения на землепользовании кочевников, основываясь на идее, что помимо хозяйственной адаптации людей к природной среде можно говорить и об адаптации психологической. Наблюдая с раннего детства природу родных степей, кочевник именно ее считал эталоном окружающей среды, максимально пригодной для жизни свободного человека. Другие природные зоны, граничащие со степью, воспринимались номадами как чуждые и даже враждебные человеку, населенные злыми духами. Например, для монголов пустыня Гоби была «страной ведьм» [Пространство, 2008. С. 66], а в представлениях бурят лес ассоциировался с образом чужого мира [Пространство, 2008. С. 71]. Хотя экспрессивное разделение пространства на «свое» и «чужое» — характерная черта фольклорных и эпических произведений, оно же ярко заметно в реальной жизни племен и народов. Оно определяло внешнюю политику и существенно влияло на поведение людей, ступивших на территорию враждебного рода (государства).

Собственная земля, родная природа наделялась сакральными свойствами: «шаманисты обожествляли не просто природу, а природу своего края, конкретные реки, озера, горы, долины, связывали с ними социальную и материальную жизнь» [Экологические традиции, 1992. С. 56]. «Своя» земля расценивалась как находящаяся в центре мироздания,

ввиду чего лучшей земли нечего было и искать. На нее щедро изливается благая сила Вечного Неба. Здесь максимально проявляется гармония во взаимоотношениях людей, духов и природы. Кроме того, вряд ли правильно за этими выявленными этнологами закономерностями забывать о простых человеческих эмоциях, которые вызывали у людей родные кочевья. Естественно, любимая священная земля заслуживала самого бережного обращения. Мало того, что за ее сохранностью неусыпно наблюдали духи предков, ее еще надо было передать потомкам¹.

Природа соседних земель, принадлежавших чужим родам, очевидно, не могла являться духовной ценностью, напротив, она представляла собой заманчивую, чисто материальную ценность в качестве пастбищных или охотничьих угодий, жизненного пространства и ресурсной базы. А если природа там значительно отличалась от привычной природы степей, то она воспринималась как место, крайне нежелательное и опасное для жизни. От нее трудно было ожидать чего-то хорошего. Не пользуясь милостью Неба, такая земля была лишена божественной протекции и заслуживала беспощадного разграбления. Многовековая история сосуществования кочевников и оседлых народов предоставляет достаточно примеров совершенно безжалостного и потребительского отношения номадов к чужим землям, населенным

¹ В свете того, что нам известно о деификации ландшафтов в кочевой цивилизации, неожиданными выглядят слова Г. Е. Грумм-Гржимайло, не понаслышке знакомого с культурой народов Центральной Азии: «Кочевник не имеет родины; он легко расстается с вскормившей его страной, меняя ее на другую, представляющую равно благоприятные условия для жизни его стада» [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 341].

земледельцами. Система правил и запретов, регулировавшая взаимоотношения общества и природы на «своих» землях, здесь уже не работала. Возможно, именно в этом заключается разрешение кажущегося противоречия между экофильной кочевой культурой и поведением хуннских, тюркских или монгольских воинов в грабительских или завоевательных походах. Происходило столкновение двух хозяйственных укладов — скотоводческого кочевого и оседло-земледельческого — и, соответственно, двух мировоззрений, которые, несмотря на свою несхожесть, имели в основе одну и ту же константу: оба полагали себя в центре Вселенной. Сильнейший самим фактом победы как бы подтверждал правоту своей картины мира и порой даже пытался переделать окружающую среду согласно выработанному в лоне своей культуры стереотипу восприятия пространства. Известная идея о превращении китайских пахотных земель в пастбища, высказывавшаяся монгольскими военачальниками после захвата Северного Китая, очевидно, возникла именно из врожденного желания сделать чужие земли подобными своим, чтобы на них можно было вести привычный образ жизни. Это должно было привести к созданию подобия той экологической среды, к которой номады были исторически адаптированы.

В 1230 г. часть монгольской знати — приверженцев старых степных обычаев и непримиримых врагов оседлой жизни — предлагала хагану Угэдэю (1229—1241) перебить китайцев ввиду их бесполезности, а принадлежавшие им земли превратить в пастбища: «После карательного похода Тай-цзу (Чингис-хана. — Ю. Д.) на запад не оказалось ни одного доу зерна и ни одного чи шелковой ткани в амбарах и на складах, и императорский посол Бе-де (Bede) и другие вместе заявили его [величеству]: „Хотя завоеваны ханьцы, но [от них] нет никакой пользы. Лучше уничтожить их всех. Пусть [их земли] обильно зарастут травами и деревьями и превратятся в пастбища!“» [Мункуев, 1965б. С. 73]². Как известно, этот кровавый план не был приведен в исполнение во многом благодаря мудрой политике киданьского советника Елюй Чу-цая, на деле доказавшего, что правильно поставленное налогообложение в Северном Китае принесет хаганскому двору гораздо больше выгоды, чем убийства и грабежи. Однако, несмотря на сопротивление Елюй Чу-цая и его сторонников, в том числе и среди самих монголов, на севере Китая огромные площади возделываемой земли стали пастбищами, особенно в окрестностях Яньцзина и других крупных городов. Часть земель выделялась хаганами под пастбища их приближенным, но еще больше земель захватывалось монгольской знатью самовольно. В результате размеры пастбищных угодий превзошли предел экономической

целесообразности (ведь пережившее войну оседлое население тоже должно было чем-то питаться и еще снабжать зерном своих поработителей), и уже с 1261 г. в хрониках фиксируются хаганские указы, предписывавшие местным властям передачу пастбищ безземельным китайским крестьянам для обработки [Мункуев, 1965а. С. 144—146; Думан, 1977а. С. 363]. Речь шла не только о возвращении китайским земледельцам пахотных земель, превращенных монголами в пастбища, но и о поднятии целины, в том числе и в Монголии. Хубилай (1260—1294) распорядился подготовиться к распашке пригодных земель в степях и снабдить хлеборобов рабочим скотом и инструментом. Возобновилось земледелие в районе Каракорума [Rossabi, 1988. С. 113].

Эти указы, наряду со многими другими действиями монгольской администрации на оккупированных землях Китая, знаменовали собой постепенный переход от чисто степного отношения к захваченным территориям к методам управления, которые были приняты в оседлом мире. Граница «своих» и «чужих» земель при Юань начала размываться, поскольку и Китай, и Монголия были объединены в одно государство. Вся территория Китая оказалась в руках монголов и была закреплена за новыми владельцами. Вместе с тем захватчики не забывали, где их родные земли, даже после того, как столица империи переместилась из Каракорума в Ханбалык. Известный китайский ученый середины XIV в. Е Цзы-ци писал: «После того как династия Юань объединила [страну], она всегда считала центром [империи] Север, а Китай — периферией, собственным [народом] — северян, а южан — чужаками, и этим [противопоставлением] довела [страну] до глубокого раскола...» [Боровкова, 1971. С. 57]. Кроме того, согласно разысканиям монгольского историка Ч. Далай, юаньские императоры хотели сохранить Монголию как страну кочевого скотоводства и посылали туда своих представителей для проверки состояния пастбищ [Чулууны Далай, 1983. С. 83, 87]. На основании этих фактов мы можем предположить, что даже спустя несколько десятилетий после установления в Китае монгольского господства центральное положение в мировоззрении кочевников занимали их исконные территории в Монголии. Несмотря на определенные успехи в благоустройстве разоренной войной страны, монголы все-таки не стали ее подлинными рачительными хозяевами и, как справедливо заметил Т. Барфилд, «они в полном соответствии со степными традициями покинули Китай в той самой небрежной манере, в какой их предки захватили его, — не слишком задумываясь о последствиях» [Барфилд, 2009. С. 180].

Следует заметить, что задолго до монголов аналогичную эволюцию претерпела экономическая политика хунну и их этнических потомков, которые в IV—V вв. создавали государства на землях Северного Китая. Первоначально они являлись лишь для то-

² Доу — мера сыпучих и жидких тел, равная 10,35 л; чи — мера длины, равная 32 см (в древности колебалась в пределах 24—27 см).

го, чтобы грабить и использовать приграничный террор для шантажа китайских императоров. Это была хорошо отлаженная система, позволявшая кочевникам получать недостающие товары и продукты. Об аннексии земель речь не шла даже тогда, когда раздираемый распрями Китай не мог организовать эффективную оборону границ. Ситуация кардинально изменилась на рубеже III и IV вв. К тому времени в северных провинциях Китая скопилась значительная масса кочевого населения (по оценке Л. И. Думана, проживавшее там не китайское население могло выставить не менее 1 млн воинов [Думан, 1977б. С. 47]), охотно использовавшаяся китайскими военачальниками для борьбы друг с другом, и однажды она вышла из-под контроля. В 304 г. хуннский шаньюй Лю Юань (Лю Юаньхай) провозгласил собственное государство Северная Хань. Вскоре его примеру последовали другие предводители номадов. Для некоторых заметных лидеров той эпохи грабеж китайских крестьян по-прежнему оставался главным методом добывания средств к существованию. Не утруждая себя государственным строительством, они совершали разбойные рейды в точном соответствии со старой степной традицией. Пожалуй, одним из самых одиозных представителей номадов, прошедшим путь от бандита до императора, был Ши Лэ (274—333) из хуннского племени цзе, представители которого отличались светлыми волосами и густой бородой (иногда цзесцев даже считают выходцами из Ирана или Средней Азии). В биографии Ши Лэ в «Истории династии Цзинь» Фан Сюаньлина говорится о знаменьях, предвещавших его великое будущее: «В момент рождения Ши Лэ красный свет наполнил комнату, а белые пары спустились с неба на двор, что изумило всех, видевших это» [Материалы, 1990. С. 28]. Он примкнул к Лю Юаню и стал полководцем, но, в отличие от своего патрона, предпочитал разговаривать с китайским населением исключительно на языке силы. Захватывая земли, он безжалостно убивал и грабил крестьян. Ши Лэ был вовсе не против того, чтобы под его властью Северный Китай превратился в одно большое пастбище. Среди его соратников такая политика находила немало приверженцев, вследствие чего, видимо, он и сумел провозгласить собственное государство Поздняя Чжао (319—351), но утвердить прочное правление на подобном фундаменте было невозможно, и созданное государство ненадолго пережило своего основателя [Барфилд, 2009. С. 88—89]. Такая же участь ждала остальные «варварские» династии Северного Китая, не пожелавшие или не сумевшие сменить стратегию в отношении захваченных земель, не сделавшие их семантически «своими» и продолжавшие смотреть на них лишь как на объект грабежа, а не заботы. Иной подход демонстрировали правители муюнов (мужунов), возможно, тоже являвшихся ответвлением хунну. Они прекратили на-

силе и разорение, сумели наладить управление оседлым населением, и их государства отличались большей стабильностью. Однако наиболее успешно справилась с этой задачей тобаская империя Северная Вэй (386—534), по существу, превратившаяся в подобие Среднего государства. Парадокс империи состоял в том, что для населявших ее потомков сяньбийских кочевников равнины Китая стали родным домом, а степь — чужбиной, по которой кочевали воинственные жуаньжуани.

Вернемся к монголам XIII—XIV вв. Процесс «освоения» ими земель можно было наблюдать в различных улусах Монгольской империи. Особенно хорошо он изучен на примере владений Хулагуидов и империи Юань, и накопленные наукой сведения позволяют утверждать, что ни в коем случае нельзя приравнять эти «освоенные» территории к родовым землям. «Чужая» земля не становилась для монгольских захватчиков окончательно «своей»³, хотя в этом чужом пространстве возникал локальный центр освоенности — ставка хана или командующего войсками, а также место постоянной дислокации отрядов. Весьма точно ситуацию обрисовал И. П. Петрушевский: «На себя они смотрели как на военный лагерь в неприятельской стране» [Петрушевский, 1960. С. 49]. Боевых коней и скот надо было кормить, для чего требовались пастбища, причем в системе кочевого скотоводства особо важное значение имеют зимние пастбища, так как именно от них зависит выживаемость животных в суровую зимнюю пору. Монгольские поработители Ирана и Закавказья в качестве зимних стойбищ облюбовали долину Муган в Азербайджане⁴, откуда по весне они отправлялись в новые походы.

Заботясь более о своем скоте и лошадях, чем о земледельческом населении покоренных областей, монголы отнюдь не возражали против превращения пашни в пастбище. Особенно не повезло в этом отношении Хорасану. Так, по словам средневекового персидского географа Хафиз-и Абру (ум. 1430), округ Бадгис в Хорасане был до монгольского нашествия густо населен и хорошо возделан, там имелось несколько городов с населением 20—30 тыс. человек в каждом. Однако значительная часть населения была вырезана войсками Чингис-хана, и Бадгис превратился в кочевье для монголов [Петрушевский, 1960. С. 43].

После прекращения военных действий сезонные передвижения принадлежавших монголам стад иногда охватывали сотни километров. Если на их пути

³ В качестве противоположного примера можно вспомнить судьбу хазарейцев — потомков монгольских завоевателей, ныне населяющих центральную часть Афганистана, однако их духовная адаптация к новым местам обитания едва ли могла произойти за жизнь одного поколения.

⁴ О ней см.: [Сагунин, 1913; Minorsky, 1993. С. 497—500].

оказывались деревни и посевы земледельцев, то им причинялся непоправимый вред. Однако кочевники могли не особенно беспокоиться об этом до тех пор, пока продолжались захваты новых земель, ибо там они имели практически неиссякаемые источники дохода. Когда же границы Монгольской империи стабилизировались, рассчитывать на военную добычу стало трудно, и новым хозяевам волей-неволей пришлось задуматься о том, как извлечь все необходимое из собственных владений. Веками апробированный способ достижения этой цели — налогообложение, которому предшествует перепись населения. В городах и деревнях появлялись вызывавшие всеобщую ненависть полномочные представители монгольской администрации — *даруги*, или *даругачи* (тюрк. *баскак*, перс. *шихнэ*).

Раздел оккупированных территорий между кочевой элитой и последующие попытки упорядочить гражданское управление с элементами благоустройства (восстановление городов, распашка заброшенных сельхозугодий, ремонт дамб, очистка каналов и т. д.) имели целью наладить получение с захваченных земель стабильного дохода в виде налогов. Однако происходивший передел земельной собственности в результате смены власти или междоусобиц сводил эти попытки на нет. Хуже того, нередко были случаи, когда враждовавшие монгольские князья целенаправленно подрывали благосостояние друг друга путем выжигания и вытаптывания посевов, разорения населенных пунктов [Али-заде, 1956. С. 286; Бухарский вакф, 1979. С. 16]. Подобные приемы ведения войны практиковались кочевниками еще в центральноазиатских степях, где выжигание пастбищ у соперника являлось нормой, от чего не был застрахован даже Чингис-хан: как-то раз сын Ванхана керейтского Сангун, настроенный по отношению к Чингис-хану враждебно, тайно поджег его пастбища [Рашид ад-Дин, 1952. С. 123]. Во владениях Чагатаидов вызванная междоусобицами разруха приняла настолько большой размах, что враждующие стороны созвали в 1269 г. курултай, на котором произвели раздел Мавераннахра и постановили жить в степях и горах, не приближаться к городам, не пускать на пашни свой скот и не брать с оседлого населения ничего сверх установленных законом податей [Рашид ад-Дин, 1946. С. 71; Бартольд, 1963б. С. 582—583]. Фактический правитель Чагатайского улуса Хайду (1271—1301) поставил между кочевьями Чагатаидов и Бухарой специальные заградительные отряды для предотвращения набегов кочевников на оазисы [Бухарский вакф, 1979. С. 15]. Впрочем, по мнению Л. В. Строевой, решения этого курултая не имели какого-либо практического значения [Строева, 1958. С. 208], что наглядно показало дальнейшее развитие событий в Чагатайском государстве.

По словам персидского историка Сейфа Хереви, когда Чагатаид Ясагур в начале лета 1319 г. в третий раз осадил Герат и опять не добился успеха, «он

лично, вместе со своим войском, которое составляло около 40 тыс. человек, еще несколько дней уничтожали посеы пшеницы, грабили дома и дворцы рус-таков и выкорчевывали деревья»; «он сжег всю пшеницу, а из бедных и неимущих велел убить около тысячи человек» [Строева, 1958. С. 213]. В том же году Ясагур был убит, но он являлся не единственным сторонником традиционного кочевого подхода к оседлой цивилизации. Уже к началу XIV в. наметилось противостояние тяготеющих к городам и оазисам Мавераннахра чагатайских ханов и нойонов с их войсками, получивших прозвище *караунасы* ('метисы'), и тех, кого больше устраивала привычная степная жизнь в Семиречье — их стали называть красноречивым словом *джете* ('разбойники'). По существу, в государстве произошел культурный разлом, и в 1340-е гг. оно окончательно распалось на преимущественно оседло-земледельческий Мавераннахр и Моголистан, служивший «заповедником» старых степных обычаев. Этот разлом был столь глубинным, что даже великому Тамерлану оказалось не под силу вновь объединить обе части бывшего государства [Строева, 1958. С. 216—217].

Осмысливая причины неодинакового обращения монгольской кочевой знати с захваченными окультуренными землями, городами и деревнями, а также с оседлым населением, историки выявили некоторые общие закономерности. В частности, ряд отечественных востоковедов, начиная с В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского, разрабатывал понятие о двух экономических направлениях в политике монгольских завоевателей по отношению к покоренным странам, причем сам В. В. Бартольд склонялся к тому, что «Мнение, будто монголы не понимали культуры и, если бы могли, обратили бы всю землю в пастбище, опровергается фактами» [Бартольд, 1963а. С. 146]. По идущей от известного историка И. П. Петрушевского традиции, первым экономическим направлением принято называть политику безудержного грабежа, разрушения и убийств, когда целью захватчиков является немедленное личное обогащение без какой-либо заботы о завтрашнем дне. Представителями этого направления были приверженцы степной старины, для которых грабежи и насилия служили привычным способом добывания материальных благ. Они не видели принципиальной разницы между покорившимися и сопротивлявшимся им крестьянами и городскими жителями: и те и другие служили для них объектом агрессии. Кочевые вожди редко отличались дальновидностью и чаще всего были мотивированы на немедленное обогащение посредством прямого грабежа. Известны случаи, когда монгольские правители разграбляли собственные владения. Показателен следующий пример. Потерпев поражение в битве с Хайду — внуком Угэдэя, фактически восстановившим улус своего деда, и ища средства для продолжения войны, правивший в Чагатайском улусе хан Борак (1266—1271) намеревал-

ся заставить жителей принадлежавших ему Бухары и Самарканда покинуть дома и оставить все имущество на разграбление его войску. Избежать этой беды помогло людям только заступничество авторитетного духовенства, но Борак все равно вынудил мастеров днем и ночью выделывать ему оружие [Бартольд, 1963б. С. 581—582]. Кроме того, он считал целесообразным обескровить города и земли, которые уходили из его рук: «Злосчастный Борак добрался до областей Мавераннахра, снова собрал разбежавшихся бойцов своего войска и держал совет с военачальниками, что-де при существовании этих людей, которые на нас нападают, царство за нами не удержится. Самое лучшее сейчас — разорить грабежом эти цветущие края, и начнем с Самарканда. Военачальникам эта речь пришла очень по душе» [Рашид ад-Дин, 1946. С. 70]. Считается, что по завершении завоевательных кампаний принадлежавшие к этому лагерю монгольские и тюркские князья и полководцы были сторонниками центробежных тенденций.

Второе направление было представлено теми, кто видел выгоду в сохранении и восстановлении хозяйства покоренных народов с тем, чтобы эксплуатировать их и получать стабильные доходы от налогообложения, а не грабежа (хотя, как правило, налоги сами по себе являлись настоящим грабежом, но грабежом в какой-то мере упорядоченным и не сопровождавшимся обязательными убийствами и разрушением экономических основ). Они поддерживали центральную власть и способствовали налаживанию мирной жизни, в то же время сраживаясь с местными правящими кругами, если таковые были в свое время пощажены [Петрушевский, 1949. С. 111—112; 1952. С. 12—14; 1960. С. 48—53; Бабаян, 1969. С. 142—146]. Не только военачальники и нойоны, но и верховные монгольские правители проводили различную экономическую политику по отношению к захваченным землям. В постоянной борьбе сторонников этих двух направлений можно различить движущие силы исторического процесса в управлявшихся монголами государствах, являвшиеся важным фактором ослабления и в конце концов падения монгольского владычества в Евразии. Сам Чингис-хан, его сын Чагатай (?—1242), великий хан Гуюк (1246—1248) были сторонниками первого направления. Наиболее яркими представителями второго направления были: в Китае — основатель династии Юань хан Хубилай, в государстве Ильханов — Газан-хан (1295—1304), в Чагатайском улусе — хан Кебек (1318—1326).

История затянувшейся осады Хорезма монголами в 1221 г. демонстрирует интересный и значимый пример отношения кочевников к чужим землям непосредственно в период их захвата. Уже тогда, согласно свидетелю монгольского вторжения в государство хорезмшахов Шихаб ад-Дину Мухаммаду ан-Насави, Хорезм был пожалован Чингис-ханом его

сыну Джучи (1182—1227), и тот хотел уберечь богатый оазис от разорения: «Он послал к ним (жителям Хорезма) людей, предупреждая их и предостерегая, и обещал им пощаду, если они сдадут его (Хорезм) без боя, и сказал, что Чингиз-хан подарил [город] ему и что он воздержится от его разрушения и намерен сохранить [город] для себя. Об этом будто бы свидетельствует то, что за время своего пребывания вблизи от него (Хорезма) это войско не предпринимало набегов на его сельские местности, отличая Хорезм от других областей большей заботой и большей милостью, опасаясь за него, чтобы он не стал жертвой судьбы ущерба и чтобы его не достигла рука уничтожения» [ан-Насави, 1996. С. 132]. История рождения Джучи окутана тайной; некоторые современники не признавали его происхождения от Чингис-хана, так как мать его, Бортэ, попала в плен к меркитам и вполне могла зачать от меркита. Из плена ее вызволили уже беременной. Поэтому отношение к Джучи как среди его современников, так и среди нынешних историков было и остается неоднозначным. Тем не менее наделение Джучи полномочиями по подчинению «лесных народов», т. е. населения Южной Сибири, демонстрирует признание его Чингис-ханом как законного сына, хотя само его имя, означающее «гость», оставляет повод для некоторых сомнений. Обстоятельства его конфликта с Чингис-ханом и последовавшей вскоре за этим смерти также туманны, однако они не принципиальны для выяснения взглядов Джучи на захваченные им земли. Источники говорят о весьма благоприятном впечатлении, которое произвели на монгольского принца степи Дешт-и Кипчака: «Когда Туши, старший сын Чингиз-хана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [Тизенгаузен, 1941. С. 14]. Здесь он нашел для себя вполне подходящую среду обитания и, судя по некоторым свидетельствам, не хотел продолжать завоевательные кампании, что и вызвало гнев его отца.

Однако дело, пожалуй, не только в этом. Чингис-хан пожаловал Джучи земли к западу от метрополии, и есть основания думать, что именно Хорезм как политический центр разгромленного государства хорезмшахов был ключевым пунктом для дальнейшего успешного продвижения на запад. Гератский писатель и музыкант Камал ад-Дин Али Бинаи (1453—1512) в историческом сочинении «Шейбани-наме» посвятил Хорезму следующие строки, наглядно демонстрирующие его важное геополитическое значение:

«Как известно, страна Хорезм является началом населенной области, [прилегающей] к району Дашт-и Кипчака. Для целого ряда величайших государей, высоких обладателей счастливого сочетания звезд, являлось [большой] помощью пребывание области Хорезм под их властью и управлением.

Ведь если с запада какой-либо обладатель счастливого сочетания звезд отправляется на завоевание восточных стран, а управление страной Хорезм ему не принадлежит, [более того, если еще] и враги его государства покорят эту страну, то он не сможет предпринять завоевание восточных земель без поддержки со стороны населения этой страны из-за беспокорности о возможных опасностях, которые [поджидают его] со стороны воинственных хорезмийцев. А если [завоеватель] отправится на покорение западных стран со стороны востока и из районов Дашт [-и Кипчака], то начало вторжения в населенные районы запада есть та страна. И только тот, кто будет обладать ею, тот и будет усилен в своих притязаниях [воинскими] отрядами и снаряжением этой страны, а ведь начало завоевания западных стран не свободно от затруднений.

Короче говоря, завоевание области Хорезм отдельными известными султанами уже имело место в прошлом и благодаря преуспеванию в [деле] завоевания той страны и с помощью воинственных хорезмийцев завоевывались [ими] государства запада и востока. Овладение ею содействовало возвышению многих известных хаканов и могущественных султанов...» [Шайбани-наме, 1969. С. 126—127].

Таким образом, для Джучи, скорее всего, наиболее разумным было бы сохранить город в целостности, чтобы владеть им как опорным пунктом в дальнейших военных кампаниях. Но это не получилось. Видя, что дело не продвигается, Чингис-хан назначил ответственным за осаду Хорезма Угэдэя, и город был взят в результате тяжелых разрушительных боев, увенчавшихся затоплением его водами Амударьи в полном соответствии с монгольским стилем поведения на «чужой» земле [Тизенгаузен, 1884. С. 32]. Для Угэдэя Хорезм был всего лишь одним из вражеских городов (пусть и столичным), не пожелавшим открыть ворота перед победоносными монгольскими войсками. Относиться к нему бережно он не имел никаких оснований. Подоплека этих событий подробно разбирается в работе Исанбике Тоган [Исанбике Тоган, 2002. С. 146—187].

Итак, хотя оба направления предполагали разные методы извлечения прибыли, они отражали взгляды монголов на захваченные земли как на «чужие», лишённые какого бы то ни было высшего покровительства и предназначенные исключительно для удовлетворения собственных материальных запросов. Между тем в этих «чужих» землях у монголов априорно имелись кое-какие фрагменты врожденной, «своей» картины мира. В первую очередь это скот, являющийся для кочевника мерилем богатства и благополучия. Можно утверждать без особого риска ошибиться, что набитые золотом и драгоценными камнями сундуки не производили на кочевников большего впечатления, чем принадлежавшие им неисчислимые тучные стада [Juvaini, 1997. С. 533]. Проиллюстрируем данный тезис примером из Казахстана XIX в. Известный исследователь А. И. Левшин опи-

сал характерный случай: «Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: „Для чего стану я продавать свое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат“» [Левшин, 1996. С. 327]. Поэтому алчность кочевников до чужого скота в военных кампаниях совершенно естественна. Источники содержат на сей счет такое большое количество фактов, что нет нужды приводить их. При разграблении населенных пунктов монголы едва ли не в первую очередь угоняли скот, обрекая крестьян на голод или, как минимум, сильно снижая производительность их труда, так как теперь вместо быков им самим приходилось впрягаться в ярмо. Особое и вполне объяснимое пристрастие монголы питали к лошадям и отнимали их практически всех [Али-заде, 1956. С. 127—129]. Разумеется, скот немного значил для кочевников без достаточно вместительных пастбищ. Захват земель означал прежде всего присвоение пастбищных угодий, поскольку пахотные земли, сады или виноградники едва ли сильно прельщали кочевников. Не случайно одним из стимулов монгольской агрессии против Хорезма признается именно приобретение пастбищ [Петрушевский, 1977. С. 119].

Как уже говорилось неоднократно, нашествия кочевников обычно сопровождалось расширением пастбищных угодий за счет окультуренных земель. Это мог быть как стихийный, так и управляемый процесс. Можно полагать, что в последнем случае он протекал до некоторой степени менее разрушительно для экономики покоренной страны, хотя не мог не вызывать негативной реакции местного населения. Так, подавив в 1273 г. в вассальной Корее восстание войск Самбёльчхо, размещавшихся на острове Чечжудо (Чеджудо), монголы взяли остров под свое непосредственное управление и превратили его в огромное пастбище, которое обслуживалось большим количеством монгольских и корейских пастухов. Юаньская династия учредила там наместничество Тхамна чхонгванбу (Наместничество Тхамна), а в районе Ёнхына на севере создала Ссансон чхонгванбу, т. е. Наместничество двух крепостей, где тоже были устроены лошадиные пастбища [Хан Ёнью, 2010. С. 206—207]. Такие же пастбища создавались и близ столицы, что вызывало недовольство корейцев. По этому поводу чиновник Пэк Мун Бо в 1362 г. писал королю Конмину (1352—1374): «В окрестностях столицы располагаются обширные равнинные и плодородные земли, на которых можно заниматься хлебопашеством. Но эти земли превращены в пастбища и не приносят доходов» [Ванин, 1962. С. 115—116]. Аналогично тому, как монголы не видели пользы в возделываемых землях, оседлый народ не находил выгоды в пастбищах, возникших на месте пашни.

Второе: «чужие» земли предоставляли возможность утолять еще одну страсть истых кочевников — охоту. Ата-Малик Джувейни (1226—1283) — персидский историк, состоявший на монгольской службе, сообщает, что Чингис-хан поручил Джучи надзирать за охотой и ловлей зверя [Juvaini, 1997. С. 40]. Завершив кампанию по разгрому государства хорезмшахов, Чингис-хан устроил большую охоту, и Джучи по приказу отца пригнал из Кипчакской степи стада диких ослов. Правда, из-за дальнего перехода ослы были так сильно истощены, что их якобы можно было ловить голыми руками. Когда оставались только совсем худые животные, охоту прекратили, а пойманных ослов клеймили и отпустили на волю [Juvaini, 1997. С. 139—140]. Звериными облавами тешились и Хулагуиды. Газан-хан бил лебедей, ловил рыбу; по его приказу устроили из жердей и хвороста две изгороди длиною в день пути, сходящиеся клином и оканчивавшиеся огороженным загонном. Туда сгоняли различную дичь, и хан с супругой любовались животными со специально воздвигнутого помоста. Часть животных воины убивали, а часть отпускали, согласно древнему правилу [Рашид ад-Дин, 1946. С. 188—189]. Последнее обстоятельство весьма интересно, поскольку говорит в пользу того, что так называемые экологические традиции кочевников в какой-то степени соблюдались и на захваченных территориях, хотя как общее правило они практиковались номадами только на «своих» землях и сразу же переставали действовать на землях «чужих». Представляется, что соблюдение захватчиками традиционных требований указывает на облавную охоту как на действие, имманентное кочевой центральноазиатской культуре средневековья независимо от того, где оно осуществлялось. Это важная деталь «своего» мира.

По-видимому, существовала значительная разница в захватах земель в пределах степного пояса Евразии и за его пределами. Конечно, речь не о том, что в одном случае война была менее жестокой, чем в другом. Хотя конкуренция за ресурсы между представителями одного и того же хозяйственно-культурного типа протекает острее, чем между представителями разных типов, в случае покорности можно было рассчитывать не только на сохранение жизни, но и на службу новому хану. Пустая степь никому не была нужна. Нужны были люди — потенциальные воины, которых можно было направить на дальнейшие завоевания уже под своими знаменами. Однако если кто-то не желал подчиниться новому владыке степей, с ним отнюдь не церемонились.

Можно предположить, что для правителей Центральной Азии вся кочевая ойкумена представлялась «своей», поэтому каждая новая династия стремилась к скорейшему подчинению степей. Это называлось «устроением народов» или «наставлением народов на путь истинный». Показателен пример древнетюркских каганов, которые ходили военными походами во все «углы света», методично покоря про-

тивников и присоединяя их земли к своим. В сущности, каждая степная держава расширялась до более или менее «стандартных» размеров, обусловленных физико-географическими и социально-политическими факторами. Едва ли эта территория, охватывавшая тысячи квадратных километров, представлялась ее хозяевам совершенно однородной с точки зрения этнопсихологии: она должна была иметь сакральный центр, родовые, достаточно давно освоенные для кочевания территории и земли, на которые власть данного клана распространилась лишь недавно. «Малая родина» остается в сознании номада непреходящей святыней, но если уж судьба дает ему власть над всей страной, он не может замыкаться в узкородственных, местных интересах — теперь родной, «своей» для него становится вся степь.

Монгольская империя — случай особый. Она вышла далеко за традиционные степные пределы. Монгольское нашествие было стремительным и катастрофическим, как удар цунами. Однако сначала приращение территорий, подвластных монгольскому хану, осуществлялось сравнительно мирно. Этот процесс послужил предметом специального изучения В. В. Трепавловым. Автор обосновывает тезис, согласно которому начальный период монгольской экспансии, проходивший под лозунгом «объединения народов, живущих за войлочными стенами», мог преследовать цель создания в центральноазиатских степях новой кочевой империи — преемницы империй хунну, древних тюрков и т. д. К этому широкому замыслу отнеслись (или, скорее, вынуждены были отнестись) с пониманием не только монголы. Поэтому поход Джучи в Южную Сибирь и Северо-Восточный Казахстан в 1207 г. обошелся малой кровью, с восточнотуркестанскими правителями в 1211 г. были заключены «союзы мира и родства», а при очищении Восточного Туркестана от найманов Кучлука в 1218 г. местное население приветствовало монголов как освободителей. По этой же причине перечисленные земли считались не завоеванными, а присоединенными, т. е., по существу, не чужими, а исконно своими [Трепавлов, 1993. С. 45—58].

Когда Чингис-хан решал вопрос о наследнике образованной им империи и советовался со своими сыновьями, он, видимо, не считал подвластные ему страны непригодной для жизни монголов чужбиной. Не соглашаясь с предложением Чагатая и Джучи о совместном управлении империей под началом Угэ-дэя, Чингис-хан сказал слова, вроде бы подтверждающие расширение границ обожествленной Матери-земли Этуген-эхэ по меньшей мере до традиционных пределов кочевых государств древности: «Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше — будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья» [Козин, 1941. § 255]⁵. Можно ли

⁵ Ср. высказывание Чингис-хана в «Алтан тобчи»: «Я отделяю вас (т. е. Чагатая и Джучи. — Ю. Д.) не в чужую

принимать это утверждение за истину? Или это не более чем художественный вымысел безвестного автора «Сокровенного сказания»? Включал ли грозный завоеватель в понятие Матери-земли захваченные территории государства хорезмшахов, Цзинь, Си Ся? Источник не дает ответа на этот вопрос. Похоже, что сам Чингис-хан, даже если он и считал себя владыкой всего мира, не собирался брать на себя ни за него ответственность, ни даже за весь степной пояс Евразии. Хозяевами должны были стать его сыновья, но новый мировой порядок, очевидно, предполагал крайне неравноценное распределение благ между монголами и подчиненными им народами, т. е., по существу, последние должны были служить первым, и их места проживания — города и селения вряд ли имели шанс сравняться по статусу с просторами пастбищ. В общем, так и оказалось в действительности. Поэтому, с точки зрения самих монголов, Монгольская империя должна была иметь как бы «ячеистое» строение: острова «своего» мира были вкраплены в моря мира «чужого». По крайней мере, к такому предположению подводит анализ деяний монголов за пределами их родных кочевий.

Пример Восточного Туркестана показал, что даже мирное вхождение в состав империи не устраняло опасности крушения не только государственности, но и привычного образа жизни, и традиционных форм хозяйства. При Чингис-хане эти земли получили высокий статус пятого улуса, туда не были назначены монгольские *даруги*, а имперские власти довольствовались признанием уйгурскими *идикутами* (правителями) своей зависимости и подношением даров, но уже в правление великого хана Мункэ (1251—1259) права *идикутов* стали все более ущемлять, а их владения превратились в источник выкачивания доходов. Позже, с фактическим распадом империи, Восточный Туркестан стал яблоком раздора между Хубилаем и его заклятым врагом Хайду. Борьба за эти земли продолжалась и впоследствии и привела к упадку древнюю городскую культуру. Хотан, Яркенд, Бешбалык, Бейтин, Кара-Ходжо и другие города пришли в запустение, а некоторые вообще превратились в развалины. Севернее, в Семиречье, практически не пострадавшем от военных действий, исчезло много городов, и на их месте проходившие там путешественники отмечали лишь пастбища. В Илийской долине, Лобноре и Карашаре земледелие совершенно исчезло [Кутлуков, 1977. С. 96, 99—100]. На наш взгляд, эти факты лишней раз подтверждают отношение номадов к оседлой культуре как к чему-то чуждому, чем не стоит дорожить. Оседло-земледельческий компонент империи не мог стать и не стал ее органичной частью, хотя такое более или менее глубокое слияние происходило на уровне некоторых улусов.

страну, а чтобы вы ведали теми, которыми овладел я» [Лубсан Данзан, 1973. С. 229].

Еще ярче это отношение проявилось в тех государствах, которые были покорены монголами после кровопролитных боев. Здесь продолжались насилие и грабежи, через засеянные поля проходили войска. Отношение номадов к оседлым жителям едва ли когда-нибудь в средневековье отличалось уважительностью или почтением. Как правило, степняки смотрели на них с презрением. Даже представители знатных родов, вовремя склонившие головы перед победоносными кочевниками, чаще всего оставались среди монгольской элиты людьми второго сорта, что же говорить о простых крестьянах и ремесленниках! В одном из своих писем знаменитый персидский историк Рашид ад-Дин (1247—1318) описал коллизию, в которую были втянуты два кочевых народа и один оседлый, и, что характерно, хуже всего пришлось именно последнему, несмотря на то что он был на своей земле, а оба кочевых — пришлые. Эмир Шамс ад-Дин Туркмани со своими туркменами «превратил в пустошь и разорил» окрестности Арзинджана (современный город Эрзинджан в Турции). Обосновавшись в горах Трапезунда, он учинял грабежи и притеснения, пока местные монгольские власти не позавидовали туркменам (симптоматично, что историк называет именно эту причину!) и не разгромили их. Шамс ад-Дин был убит. А после монголы бросились разграблять то, что еще оставалось нетронутым: «А эмиры-грабители тоже протянули руку притеснения и тоже проявили чудеса в грабеже; они разграбили то, что осталось от озимых посевов, а летние вытоптали своим скотом и стадами, полностью уничтожили в вилайете стада и рабочий скот». Лишь появление в Арзинджане Туки-нойона остановило произвол и принесло людям облегчение [Рашид ад-Дин, 1971. С. 306—308]. Можно не сомневаться, что подобные случаи были совсем не редки в государстве Ильханов, а равно и в других странах, управлявшихся монголами. Значительные пространства Евразии с природными условиями, в целом неблагоприятными для привычной кочевой жизни, населенные народами с чуждой культурой, по-видимому, могли расцениваться монголами как места, самим Небом предназначенные для добывания там зерна, утвари, тканей, украшений и прочих материальных благ. Эти земли оказались возможным поставить под свой контроль и даже установить в них более или менее регулярное налогообложение, но это не устранило цивилизационный барьер между кочевым и оседлым мирами.

По большому счету, повсеместное крушение монгольской власти в завоеванных странах может, казалось бы, подтверждать тот факт, что монголы так и остались на приобретенных землях чужаками, не сумевшими с ними сродниться. Тем не менее проблема несколько глубже. Важным показателем перемен в понимании монголами окружающего пространства служит изменение ими похоронной обрядности. Поскольку монгольские завоеватели хоронили улусных ханов на захваченной земле, то мы мо-

жем полагать, что тем самым они признавали ее «своей» не только в правовом, но и в сакральном смысле. Посредством организации особых заповедных мест — *хориг*, где сохранялись монаршие останки, они позволяли небесной благодати изливаться на нее и «конденсироваться» в останках хана, тем самым усиливая правящую династию и передавая ее на подвластные ей земли. Следовательно, отношение к таким землям должно было быть существенно более бережным, чем в период завоевания и некоторое время после. Исламизация Хулагуидов, как и ряда других правящих ветвей «золотого рода», привела к изменению форм похоронного обряда, хотя, скорее всего, не затронула его мировоззренческий аспект: хан является проводником благодати с Неба на землю и покровительствует своему роду и государству, будучи не только живым, но и мертвым, но для этого его могила должна быть неприкосновенна [Дробышев, 2005. С. 119—140; 2010. С. 51—53].

В отличие от монгольского нашествия, долговременным итогом тюркских завоеваний стало создание нескольких государств в Закавказье, Средней и Малой Азии. Хотя нашествия тюркских племен тоже порой несли оседлому миру смерть и разрушения, масштабы разорений были несравнимы с теми, что были вызваны появлением здесь монголов в XIII в. Нередко тюркоязычные племена проникали вглубь территорий, населенных оседло-земледельческими народами, мирно, небольшими группами, и занимали привычную им экологическую нишу на периферии оазисов, в степях и полупустынях. Можно полагать, что их взгляд на эти земли мало отличался от взгляда на покинутые по тем или иным причинам обжитые места. Тюрков охотно брали на службу правители мусульманских стран и областей; часто это были рабы, купленные на невольничьих базарах Шаша или Самарканда. Конечно, раб или наемник не может питать любовных чувств к земле, на которую его привели жизненные обстоятельства, но известно немало случаев, когда из таких тюркских воинов на землях ислама получались не только образцовые гвардейцы, но и эмиры, и даже султаны, радевшие за территории, доставшиеся им в ходе политической и вооруженной борьбы.

Тюркские завоевательные походы имели отличие от монгольских, несмотря на определенное сходство военных приемов. Например, в ходе войн, которые велись Сельджукидами за овладение Ираном, Ираком, Афганистаном и другими областями (так называемое «сельджукское движение»), они применяли особую «скифскую» тактику: на пути вражеских армий специальные отряды уничтожали плодовые деревья и травы, сжигали жилища, портили воду, чтобы лишить противника продовольствия, фуража и крова. Иногда плодовые деревья вырубали на топливо [Агаджанов, 1991. С. 71]. Однако «сельджукское движение» было нацелено на расширение подвластной территории, а не на простое ограбление всего, до

чего можно было добраться. Оно принципиально отличалось от военных кампаний монголов, проводившихся в тех же местах в 1219—1222 гг., и, по оценкам специалистов, вызвало «удивительно мало беспорядка», не нарушило земледельческих основ и в конце концов даже способствовало росту благосостояния Ирана [Лэмбтон, 1981. С. 130, 132, 136, 139]. При этом, в отличие от монголов, конфликты сельджуков с местным кочевым населением из-за пастбищ неизвестны [Лэмбтон, 1981. С. 137, 138]. Как отметил Дж. Флетчер при сравнении тюркского и монгольского нашествий, второе было гораздо более разрушительным, в частности потому, что монголы пришли слишком быстро, и их появление в культурных областях осуществлялось в форме тщательно спланированных военных кампаний под единым руководством [Флетчер, 2004. С. 239—243]. Основной целью войны монголов в Средней Азии и Иране было полное уничтожение государства хорезмшахов, правители которого осмелились перечить самому Чингис-хану. Территориальные же приобретения, судя по всему, предполагались лишь в степной зоне, где благоприятная экологическая среда позволяла вести привычный кочевой образ жизни, ставший к тому же более комфортным за счет награбленного у оседлых народов добра. Захват всей известной монголам обитаемой суши был запланирован позже, на курултае 1235 г., когда Чингис-хана уже не было в живых.

Разумеется, было бы неправильно идеализировать тюрков, считая их в совокупности более восприимчивыми к достижениям оседлой культуры, чем, скажем, монголы. Достаточно вспомнить погубившую Восточно-Сельджукский султанат «огузскую смуту» 1150—1160-х гг., в ходе которой огузы и примкнувшие к ним деклассированные элементы разграбили практически весь Хорасан и основательно подорвали в нем сельское хозяйство и городскую жизнь. Описания их бесчинств удивительно напоминают картины монгольского нашествия [Ибн ал-Асир, 2006. С. 250—256; Извлечения, 1939. С. 355—358]. Тем не менее указанная разница между тюркской инфильтрацией и монгольским натиском, по видимому, может хотя бы отчасти объяснить прочность тюркского правления и недолговечность монгольского. Нет никакого сомнения, что ряд тюркских племен в прямом смысле слова обрел на захваченных землях новую родину, перейдя к оседлому образу жизни, освоив земледелие, ремесла, градостроительное мастерство и т. д. Важно отметить, что тюркские завоеватели XI в., в отличие от своих монгольских последователей, уже имели опыт совместного проживания с земледельцами [Каэн, 1981. С. 120]. Эти племена, положившие начало узбекскому, туркменскому, турецкому, азербайджанскому и другим народам, смогли «перекодировать» фундаментальную оппозицию «свой — чужой» и с давних

пор благоустраивали вновь приобретенные земли, воспринимая их как безусловно «свои». С другой стороны, нельзя обойти молчанием исторический опыт монголоязычных ойратов, вынужденно оставивших свои кочевья из-за маньчжурского погрома и обживших степи и полупустыни в низовьях Волги. Изложенное подводит нас к выводу, что в вопросе об отношении кочевников к новообработанным землям

принципиальное значение имела сама цель их прибытия на эти земли: явились ли они для того, чтобы мстить или грабить, или же им против своей воли пришлось покинуть родину и пуститься на поиски новых мест для кочевания. И хотя приобретение территорий нередко проходило в жестоких боях, война шла все-таки против людей — прежних хозяев, а не против земли как таковой.

Использованная литература

- Агаджанов, 1991: *Агаджанов С. Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI—XII вв. М., 1991 (*Agadzhanov S. G. Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Srednyaya Aziya v XI—XII vv. M., 1991*).
- Али-заде, 1956: *Али-заде А. А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956 (*Ali-zade A. A. Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Azerbaydzhana XIII—XIV vv. Baku, 1956*).
- Бабаян, 1969: *Бабаян Л. О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII—XIV веках. М., 1969 (*Babayan L. O. Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Armenii v XIII—XIV vv. M., 1969*).
- Бартольд, 1963а: *Бартольд В. В.* История Туркестана // Сочинения. Т. II (1). М., 1963 (*Bartol'd V. V. Istoriya Turkestana // Sochineniya. T. II (1). M., 1963*).
- Бартольд, 1963б: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М., 1963 (*Bartol'd V. V. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya // Sochineniya. T. I. M., 1963*).
- Барфилд, 2009: *Барфилд Т.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э.—1757 г. н. э.) / пер. с англ. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. СПб., 2009 (*Barfild T. Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitay (221 g. do n. e.—1757 g. n. e.) / transl. by D. V. Rukhlyadev, V. B. Kuznetsov; ed. by D. V. Rukhlyadev. SPb., 2009*).
- Боровкова, 1971: *Боровкова Л. А.* Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971 (*Borovkova L. A. Vosstanie «Krasnykh voysk» v Kitae. M., 1971*).
- Бухарский вакф, 1979: Бухарский вакф XIII в.: факсимиле / изд. текста, пер. с араб. и перс., введ. и коммент. А. К. Арендса, А. Б. Халидова и О. Д. Чехович. М., 1979 (*Bukharskiy vakf XIII v. Faksimile. Izdanie teksta, perevod A. K. Arends, A. B. Khalidova, O. D. Chekhovich. M., 1979*).
- Ванин, 1962: *Ванин Ю. В.* Феодалная Корея в XIII—XIV веках. М., 1962 (*Vanin Yu. V. Feodal'naya Koreya v XIII—XIV vekakh. M., 1962*).
- Грум-Гржимайло, 1926: *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. III, вып. 1. Л., 1926 (*Grumm-Grzhimaylo G. E. Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray. T. III. Vypusk 1. Leningrad, 1926*).
- Дробышев, 2005: *Дробышев Ю. И.* Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 119—140 (*Drobyshev Yu. I. Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' srednevekovykh mongolov i ee mirovozzrencheskie osnovy // Etnograficheskoe obozrenie. 2005. No. 1. S. 119—140*).
- Дробышев, 2010: *Дробышев Ю. И.* Эволюция похоронной обрядности «золотого рода» Чингис-хана // Культ предков, вождей, правителей и отражение его в погребальном обряде: Тез. докл. Всерос. науч. конф. М., 2010. С. 51—53 (*Drobyshev Yu. I. Evolyutsiya pokhoronnoy obryadnosti «zolotogo roda» Chingis-khana // Kul't predkov, vozhdey, praviteley i otrazhenie ego v pogrebal'nom obryade: Tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. M., 2010. S. 51—53*).
- Думан, 1977а: *Думан Л. И.* Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977 (*Duman L. I. Nekotorye problemy sotsial'no-ekonomicheskoy politiki mongol'skikh khanov v Kitae // Tataro-mongoly v Azii i Evrope. M., 1977*).
- Думан, 1977б: *Думан Л. И.* Расселение не китайских племен во внутренних районах Китая и их социальное устройство в III—IV вв. н. э. // Китай: история, культура и историография. М., 1977 (*Duman L. I. Rasselenie nekitayskikh plemen vo vnutrennikh rayonakh Kitaya i ikh sotsial'noe ustroystvo v III—IV vv. n. e. // Kitay: istoriya, kul'tura i istoriografiya. M., 1977*).
- Жуковская, 1990: *Жуковская Н. Л.* Судьба кочевой культуры: Рассказы о Монголии и монголах. М., 1990 (*Zhukovskaya N. L. Sud'ba kochevoy kul'tury: Rasskazy o Mongolii i mongolakh. M., 1990*).
- Ибн ал-Асир, 2006: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил фи-та'рих (Полный свод истории) / пер., примеч. и коммент. П. Г. Булгакова; доп., введ. и указат. Ш. С. Камолiddина. Ташкент, 2006 (*Ibn al-Asir. Al-Kamil fi-ta'rikh (Polnyy svod istorii) / Perevod, primechaniya i kommentarii P. G. Bulgakova; dopolnenie, vvedenie i ukazateli Sh. S. Kamoliddina. Tashkent, 2006*).
- Извлечения, 1939: Извлечения из «Рахат ас-судур» ар-Равенди / пер. под ред. А. А. Ромаскевича // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л., 1939 (*Izvlacheniya iz «Rakhat as-sudur» ar-Ravendi / Perevod pod redaktsiye A. A. Romaskevicha // Materialy po istorii turkmen i Turkmenii. T. I. M.; Leningrad, 1939*).
- Исанбике Тоган, 2002: *Исанбике Тоган.* Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2002. С. 146—187 (*Isanbike Togan. Dzhuchi khan i znachenie osady Khorezma kak simvoly zakonnosti // Istochnikovedenie istorii ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223—1556. Kazan', 2002. S. 146—187*).
- Каэн, 1981: *Каэн К.* Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире // Мусульманский мир. 950—1150. М., 1981 (*Kaen K. Kochevniki i osedlye v sred-*

- nevekovom musul'manskom mire // Musul'manskiy mir. 950—1150. М., 1981).
- Козин, 1941: *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941 (*Kozin S. A.* Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. М.; Leningrad, 1941).
- Кутлуков, 1977: *Кутлуков М.* Монгольское господство в Восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977 (*Kutlukov M.* Mongol'skoe gospodstvo v Vostochnom Turkestane // Tataro-mongoly v Azii i Evrope М., 1977).
- Левшин, 1996: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996 (*Levshin A. I.* Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey. Almaty, 1996).
- Лубсан Данзан, 1973: *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи / пер. Н. П. Шастиной. М., 1973 (*Lubsan Danzan.* Altan tobchi / Perevod N. P. Shastinoy. М., 1973)
- Лэмбтон, 1981: *Лэмбтон Э. К. С.* Аспекты расселения сельджуков-огузов в Иране // Мусульманский мир. 950—1150. М., 1981 (*Lembton E. K. S.* Aspekty rasseleniya sel'dzhukov-oguzov v Irane // Musul'manskiy mir. 950—1150. М., 1981).
- Материалы, 1990: Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып. 2. Цзе / пер. В. С. Таскина. М., 1990 (*Materialy po istorii kochevykh narodov v Kitae III—V vv.* Vypusk 2. Tsze / perevod V. S. Taskina. М., 1990).
- Мункуев, 1965а: *Мункуев Н. Ц.* К вопросу об экономическом положении Монголии и Китая в XIII—XIV вв. // Краткие сообщения Института народов Азии. 1965. № 76 (*Munkuev N. Ts.* K voprosu ob ekonomicheskom polozhenii Mongolii i Kitaya v XIII—XIV // Kratkie soobsheniya Instituta narodov Azii. 1965. No.76).
- Мункуев, 1965б: *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965 (*Munkuev N. Ts.* Kitayskiy istochnik o pervykh mongol'skikh khanakh. Nadgrobnaaya nadpis' na mogile Elyuy Chu-tsaya. М., 1965).
- ан-Насави, 1996: *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер., предисл., коммент., примеч. и указ. З. М. Буниятова. М., 1996 (*Shikhab ad-Din Mukhammad an-Nasavi.* Sirat as-sultan Dzhahal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Dina Mankburny) / Izdanie kriticheskogo teksta, perevod, predislovie, kommentarii, primechaniya i ukazateli Z. M. Buniyatova. М., 1996).
- Петрушевский, 1949: *Петрушевский И. П.* Из истории Бухары в XIII веке // Учен. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. I. Л., 1949 (*Petrushevskiy I. P.* Iz istorii Bukhary v XIII veke // Uchenye zapiski LGU. Seriya vostokovedcheskikh nauk. Vypusk I. Leningrad, 1949).
- Петрушевский, 1952: *Петрушевский И. П.* Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. Л. А. Хетагурова. Т. I, кн. I. М.; Л., 1952 (*Petrushevskiy I. P.* Rashid ad-Din i ego istoricheskiy trud // Rashid ad-Din. Sbornik letopisey / perevod L. A. Khjetagurova. Т. I, kniga 1. М.; Leningrad, 1952).
- Петрушевский, 1960: *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М., 1960 (*Petrushevskiy I. P.* Zemledelie i agrarnye otnoshe-niya v Irane XIII—XIV vekov. М., 1960).
- Петрушевский, 1977: *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977 (*Petrushevskiy I. P.* Pokhod mongol'skikh voysk v Srednyuyu Aziyu v 1219—1224 gg. i ego posledstviya // Tataro-mongoly v Azii i Evrope. М., 1977).
- Пространство, 2008: Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Нанзатов Б. З., Николаева Д. А., Содномпилова М. М., Шагланова О. А. М., 2008 (*Prostranstvo v traditsionnoy kulture mongol'skikh narodov / Nanzatov B. Z., Nikolaeva D. A., Sodnompi-lova M. M., Shaglanova O. A. M., 2008*).
- Рашид ад-Дин, 1946: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III / пер. А. К. Арендса. М.; Л., 1946 (*Rashid ad-Din.* Sbornik letopisey / perevod A. K. Arends. М.; Leningrad, 1946).
- Рашид ад-Дин, 1952: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I, кн. 2 / пер. О. И. Смирновой. М.; Л., 1952 (*Rashid ad-Din.* Sbornik letopisey / perevod O. I. Smirnovoy. Т. I, kniga 2. М.; Leningrad, 1952).
- Рашид ад-Дин, 1971: *Рашид ад-Дин.* Переписка / пер. А. И. Фалиной. М., 1971 (*Rashid ad-Din.* Perepiska / perevod A. I. Falinoy. М., 1971).
- Сатунин, 1913: *Сатунин К. А.* Муганская степь. Тифлис, 1913 (*Satunin K. A.* Muganskaya step'. Tiflis, 1913).
- Строева, 1958: *Строева Л. В.* Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л., 1958 (*Stroeva L. V.* Bor'ba kochevoy i osedloy znati v Chagatayskom gosudarstve v pervoy polovine XIV v. // Pamyati akademika Ignatiya Yulianovi-cha Krachkovskogo. Leningrad, 1958).
- Тизенгаузен, 1884: *Тизенгаузен В. Г.* Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884 (*Tizengauzen V. G.* Sobranie materialov, odnosyashchisya k istorii Zolotoy Ordy. Т. I. SPb., 1884).
- Тизенгаузен, 1941: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. М.; Л., 1941 (*Tizengauzen V. G.* Sbornik materialov, odnosyashchisya k istorii Zolotoy Ordy. Т. II. М.; Leningrad, 1941).
- Трепавлов, 1993: *Трепавлов В. В.* Государственный строй монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993 (*Trepavlov V. V.* Gosudarstvennyy stroy mongol'skoy imperii XIII v.: Problema istoricheskoy preemstvennosti. М., 1993).
- Флетчер, 2004: *Флетчер Дж.* Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004 (*Fletcher D.* Srednevekovye mongoly: ekologicheskie i sotsial'nye perspektivy // Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir. Ulan-Ude, 2004).
- Хан Ёнью, 2010: *Хан Ёнью.* История Кореи: новый взгляд. М., 2010 (*Khan Yonu.* Istoriya Korei: novyy vzglyad. М., 2010).
- Чулууны Далай, 1983: *Чулууны Далай.* Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983 (*Chuluuny Dalay.* Mongoliya v XIII—XIV vekakh. М., 1983).
- Шайбани-наме, 1969: *Шайбани-наме / пер. С. К. Ибрагимова и К. А. Пищулиной // Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969*

- (Sheybani-name / perevod S. K. Ibragimova i K. A. Pischulinoy // Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV—XVIII vekov. Alma-Ata, 1969).
- Экологические традиции, 1992: Экологические традиции народов Центральной Азии / под ред. Н. В. Абаева. Новосибирск, 1992 (Ekologicheskie traditsii narodov Tsentral'noy Azii / pod redaktsiey N. V. Abaeva. Novosibirsk, 1992).
- Juvaini, 1997: *Juvaini, Ata-Malik*. The History of the World-Conqueror / transl. by J. A. Boyle. Manchester, 1997.
- Minorsky, 1993: *Minorsky V. Mukan* // The Encyclopedia of Islam. Vol. VII. Leiden; N.-Y., 1993.
- Rossabi, 1988: *Rossabi M. Khubilai Khan*. His Life and Times. Berkeley etc., 1988.

Yu. I. Drobyshev

The reflection of ideological opposition «own or alien» in the land management of Inner Asian nomads

The article considers peculiarities of perception of a geographical space by the nomads of Inner Asia, based on the fundamental opposition «own — alien». Unlike «own», sacred lands, «alien» land was outside the law and was a source for plunder. After a period of aggressive wars in the West both for Turkic and later for Mongol nomads, the occupied territories have become «own», which is in particular reflected in the land use: it was ordered and was close to the traditional ways of management in this or that historical-cultural region. However, it was very difficult for the nomads to become truly zealous masters there.

Key words: opposition «own — alien», the nomads, land management.